
Д. Н. РАДЖАБОВА

РЕЦЕНЗИЯ Н. И. ВЕСЕЛОВСКОГО КАК ОБРАЗЕЦ ИСТОРИЧЕСКОЙ КРИТИКИ ИСТОЧНИКА

В статье приводятся рассуждения российского востоковеда, знатока среднеазиатской истории и историографии Николая Ивановича Веселовского (1848-1918), который подверг критическому анализу работу французского ориенталиста Луи-Матьё Лангле (1763-1824), получившую в русском переводе название «Жизнь Тимура». По мнению Веселовского, автор допустил ряд немаловажных грубых ошибок и проигнорировал имеющиеся надежные источники в описании «Уложений» Тимура. При этом Веселовский высказал свое мнение о роли местных источников в изучении истории Центральной Азии XIV в., в частности, периода Тимура и Тимуридов. В статье также рассматривается опыт работы с первоисточниками таких классиков, как Н. М. Карамзин, С. Ф. Платонов и других историков, чьи мнения о принципах научного анализа исторических источников не теряют своей актуальности. В заключении сделан вывод, что сочинение Лангле о Тимуре послужило лишь поводом для привлечения ещё большего внимания к изучению истории Центральной Азии и определению ряда насущных задач российского востоковедения, в числе которых критический анализ источников имеет немаловажное значение.

Ключевые слова: востоковедение, Н. И. Веселовский, Луи-Матьё Лангле, Тимур, средневековые письменные источники, переводы, критический анализ.

DOI: <https://doi.org/10.34920/1694-5794-2021.150-156>

Цитирование: Раджабова Д. Н. Рецензия Н. И. Веселовского как образец исторической критики источника // Вестник МИЦАИ. 2021. Вып. 31. С. 150-156.

У большинства востоковедов преимущественный объём их исследований занят описаниями тех или иных явлений и фактов. «Историк, передающий факт, не может совершенно отвлеченно, беспристрастно относиться к тому происшествию, которое его интересует. Историк имеет известие о фактах часто из вторых, из третьих рук, а так как каждый человек своему рассказу придает свой собственный, индивидуальный оттенок, то историк зависит от своих свидетелей и должен принимать во внимание достоинство того лица, от которого получил данное известие, его личное положение или взгляды» (Веселовский 1901: 6). К таким трудам, по мнению Н.И. Веселовского, относится сочинение Луи-Матьё Лангле (Louis-Mathieu Langlès) «Жизнь Тимура» (1787), переведенное с французского неким Н. Суворовым и увидевшее свет в Ташкенте в 1890 г.¹

Жизнь и деятельность Амира Тимура оказали огромное влияние на исторические судьбы народов Центральной Азии и сопредельных регионов. Их воздействие было настолько всеобъемлющим, что уже несколько веков эпоха Тимура и Тимуридов изучается российскими, английскими и французскими специалистами различных направлений исторической науки, не говоря уже том, какое важное место занимает она в трудах современных ученых Узбекистана. В свое время работа Лангле вызвала живой интерес и даже, отчасти, ревностное отношение ориенталистов. Соответственно, как отголосок, появилась «историческая критика» Н. И. Веселовского, «суждение о частных индивидуальных явлениях на ос-

---

глез, как значится в ташкентском издании и как повторяется в рецензии Веселовского. Об авторе перевода ничего неизвестно кроме того, что он сам сообщил о себе («уроженец Туркестанского края»), из чего Веселовский сделал вывод о его молодости. Судя по всему, автор не был профессиональным историком и потому выбрал для своего перевода уже давно к тому времени устаревший источник.

---

¹ **Прим. ред.:** Здесь и далее дается современная русская транслитерация фамилии французского ученого, а не Лян-

новании общих начал, принципов, возведенных в системы» (*Веселовский* 1901: 6), который в очередной раз показал себя авторитетным знатоком истории Востока, в частности, Центральной Азии и отличавшегося, по мнению Б. В. Лунина, «научной строгостью» (*Лунин* 1979: 127).

Некоторые ученые считают, что «рецензии на историографические сочинения сочинять трудно, что слово оценки порой вязнет, теряет объективность... Но книга книге рознь, и чем дальше отстоит по жанру историографический труд от справочника, тем рецензия бывает злее» (*Пучков* 2009: 282-283). Рецензию Н.И. Веселовского «злой» не назовешь, при этом она, будучи критической, какой и полагается быть рецензии, абсолютно не теряет объективности. Он писал, что «познакомить русских читателей с личностью Тимура [...] дело это далеко не легкое и не всем сподручное» и на этом деле даже «профессор Вамбери, которого в Европе и у нас считают великим знатоком Средней Азии, а и тот [...] провалился» (*Веселовский* 1892: 344). Утверждая, что «русская наука порядочно продвинулась вперед в изучении Средней Азии», Н.И. Веселовский полагал, что труд Лангле никаким образом удовлетворить ученых востоковедов не может, хотя «среди нашей интеллигенции в Туркестане существует и все более и более усиливается интерес к местной истории и местной старине» (*Веселовский* 1892: 345).

Принимая во внимание то, что Н.И. Веселовский в бытность свою профессором кафедры истории Востока Санкт-Петербургского университета (*Фармаковский* 1916: 361) вел бурную педагогическую деятельность и не понаслышке был осведомлен о способностях учащихся, он сравнил исследование Лангле с возможностями гимназиста старшего класса, который, в свою очередь, лучше справился бы с этой работой. По его мнению, такую работу «читать как-то противно». Согласно бытующему мнению, что любой рецензент как обычно, спрашивает себя: «мог бы я так написать?» и порой отвечает: «мог, но лучше», знатока истории периода Амира Тимура и Тимуридов раздражали «патетические разглагольствования» автора сочинения. Здесь уместно напомнить об особом интересе Н. И. Веселовского к изучению истории периода Тимура и Тимуридов и его обширных знаниях по этой части, нашедших свое отражение в докладе «О надгробном памятнике Тимура (Тамерлана) в Самарканде» (*Известия* 1887) на VII Археологическом съезде в Ярославле. Как историк и востоковед, Н. И. Веселовский дал высокую оценку «Уложениям Тимура», которые, по его мнению, «рисуют Тимура и говорят о нем не в пример больше всех наших разглаголь-

ствований, или, лучше сказать, он сам говорит за себя» (*Веселовский* 1892: 344). Хотя и французский ученый, не скрывая своего удивления, восхищался содержательностью и достоверностью средневекового источника: «Мы далеко не воображали, чтобы хан, на завоевания которого мы смотрели, как на разбойничьи грабежи, сочинил трактаты политической и военной тактики, оставил очень мудрую систему для своих потомков. Два препятствия – наши предрассудки и неверность истории, мешали нам узнать и оценить Тимура» (*Лангле* 1890).

Анализируя сочинение Лангле, ученый обвиняет автора в допущении грубых ошибок и игнорировании имевшихся уже в его время надёжных источников в описании «Уложений» Тимура. Сам Н. И. Веселовский, обращаясь к исследованию и анализу источников, придерживался школы своего соратника и коллеги, крупного русского ученого конца XIX–начала XX в. С. Ф. Платонова, который ориентировал своих учеников и последователей на конкретное изучение и объективный анализ источников, выяснение закономерностей исторического процесса. В частности, касаясь проблемы работы с источниками С.Ф. Платонов писал: «Чтобы дать научную, точную и художественно цельную картину какой-либо эпохи... или полной истории народа, необходимо: 1) собрать исторические материалы, 2) исследовать их достоверность, 3) восстановить точно отдельные исторические факты, 4) указать между ними прагматическую связь и 5) свести их в общий научный обзор или в художественную картину» (*Русина* 2015: 51). Эти наставления сведущего в исторической науке человека не могли не повлиять на методику научных исследований не только его современников-историков, но и не теряют своей актуальности.

Скрупулезность и точность анализа фактического материала, высокая научная требовательность и принципиальность всегда позволяли Н.И. Веселовскому создавать наиболее полную и всестороннюю картину прошлого, которую он отражал в своих исследовательских работах. Ученый в силу своих научных интересов не мог обойти вниманием такую противоречивую личность, как Амир Тимур, о чем свидетельствуют его рассуждения по поводу «важных и в то же время в высшей степени заманчивых задач, которые могут иметь большое влияние на развитие наших исторических сведений о Средней Азии» (*Веселовский* 1892: 344).

В.В. Бартольд, высоко оценивая заслуги Н. И. Веселовского в изучении истории Востока перед русской наукой, замечал, что «Николай Иванович не усвоил восточных языков в той степени, в ка-

Николай Иванович Веселовский

кой это было необходимо для производства самостоятельных изысканий по первоисточникам» и «для издания и перевода восточных текстов был вынужден обращаться к помощи представителей лингвистических специальностей. Ряд пробелов и ошибок в работах Николая Ивановича [...] объясняется невозможностью пользоваться подлинными текстами летописей и официальных документов» (*Бартольд* 1976: 654). Вследствие этого «недостаточность познаний Николая Ивановича в восточных языках не могла не отражаться на результатах его деятельности прежде всего в количественном отношении; капитальных исторических трудов, требовавших сложных изысканий по первоисточникам, он не мог нам дать», - с сожалением констатировал младший коллега Веселовского (*Бартольд* 1976: 657). Поэтому рецензент анализировал такие источники, как «Зафар-наме» Шараф ад-Дина Язди (ум. 1454), «Уложения Тимура», «Бабурнаме» Захир ад-Дина Мухаммеда Бабура (1483-1530), «Абдулла-наме» Хафиза Таныша ал-Бухари (кон. XVI – нач. XVII в.) только в русских переводах. Вероятно, укоряя себя, он сделал вывод, что грамотное изучение этих источников, правильный перевод на иностранные языки послужат «крупными основами для нашего знания» (*Веселовский* 1892: 346).

Насколько злободневно звучит в наши дни это утверждение Н.И. Веселовского о необходимости изучения старинных рукописей, их тщательного анализа, свидетельствует недавнее По-

становление Президента Республики Узбекистан от 24 мая 2017 г. «О мерах по дальнейшему совершенствованию системы хранения, исследования и пропаганды древних письменных источников». ² В этом документе акцент сделан на расширении и углублении исследований научных трудов ученых и мыслителей, живших и творивших в Центральной Азии в средние века, а также в введении в оборот в виде изданий оригинальных текстов и научно-комментированных переводов. Иначе говоря, научно-обоснованное сохранение исторических и культурных памятников было и остается всегда актуальным.

В частности, касаясь качества перевода содержания старинных рукописей, Н. И. Веселовский пишет, что «Уложения Тимура» в переводе Лангле на французский и в переводе Чарльза Стюарта на английский – неудовлетворительны, отмечая при этом, что персидские переводы, напротив, хороши. Ученый обращает внимание на необходимость перевода на один из европейских языков «Мукаддима» («Вступление») к «Зафар-наме» Шараф ад-Дина Али Язди, которое посвящено генеалогии тюркских ханов и Чингиз-хана. Можно предположить причину того, что именно «Мукаддима», как заметил Н. И. Веселовский, не была переведена ни на один из европейских языков, хотя само сочинение в течение более чем пяти с половиной веков после его написания многократно переписывалось, частично или полностью переводилось на восточные и западные языки, несколько раз издавалось в XX в. Содержание в тексте большого количества стихотворных отступлений, которые, вероятно являются личным творчеством Али Язди, привело к тому, что «автор злоупотребляет временем и вниманием читателя, ослабляя, а порой и прерывая изложение политических военных событий» (*Шараф ад-дин Али Язди* 2008). И тем не менее, «Зафар-наме» в полном объеме до сих пор не переведено на европейские языки. Опубликованы лишь небольшие отрывки на русском языке в переводе В. Г. Тизенгаузена (*Тизенгаузен* 1941), научное исследование которого до сих пор сохраняет свою актуальность как ценная коллекция выписок из первичных малодоступных источников.

Относительно «Бабур-наме» («Записок султана Бабура») ученый, не умаляя их значения, а наоборот, высоко оценивая их, выражает сожаление о том, что при наличии английского (1826 г.) и французского (1811 г.) переводов, «стыдно нам не

¹ Российский государственный исторический архив. Ф.565. Оп.1. Д.3573. «О передаче в ведение Археологической комиссии памятников древнего мусульманского зодчества в Туркестане эпохи Тамерлана» и др.

иметь своего, сделанного хорошим литературным языком”, хотя тут же предупреждает, что к решению этой задачи надо подходить весьма осторожно, и те, кто не уверен в своих силах, “пусть не берется за такое дело, не портит его другим” (*Веселовский* 1892: 344). Примечательно, что интерес к Бабур-наме, выдающемуся произведению мемуарной литературы средневековья, как к историческому источнику, был высок во все времена у исследователей. Поэтому понятно стремление востоковедов, таких как Георг Якоб Кер, переписавший сочинение с имевшейся у него рукописи, сведения о которой не сохранились (*Пекарский* 1870: 313-314); О. И. Сенковский, также переписавший “Бабур-наме” с рукописи бухарского купца Назарбая Туркестани (*Благова* 1966: 170-171); В. В. Григорьев, который впервые в русской литературе изложил биографию и историю походов Бабура по “Бабур-наме”; Н. И. Ильминский, пересмотревший издание Г. Я. Кера и в своём варианте использовавший значительное количество дополнительной вспомогательной литературы – как переводы зарубежных исследователей, так и списки словарей лингвистического характера (*Бабур-намэ* 1857); И. Н. Березин, В. В. Вельяминов-Зернов, А. Н. Самойлович, Н. Н. Пантусов и др. Как видно из рецензии, не обошел вниманием этот вопрос и Н. И. Веселовский, который по поводу ценного средневекового источника обозначил ещё одно задание для исследователей: сравнить единственную в Туркестане рукопись, которая принадлежала военному губернатору Ферганской области Г. А. Арандаренко, с текстом, изданным Н. И. Ильминским, который и сам был сторонником сопоставления нескольких хороших туземных рукописей “Бабур-наме”. В связи с этим вопросом ученый использовал свои этнографические и лингвистические знания в разъяснении вопроса о происхождении терминов «монгол» и «могол» (*Веселовский* 1892: 344).

Следующим важным источником, изучение которого может иметь большое влияние на развитие исторических сведений о Средней Азии, Н. И. Веселовский считал “Тарихи Сейид Рахим”, который “должен служить настольною книгою всякого, занимающегося новой историей Средней Азии” (*Веселовский* 1892: 345). Также как и “Бабур-наме”, обилие библиографического материала, многочисленность рукописей, различие описаний одних и тех же событий требуют также сличения текстов и их анализ может внести неоценимый вклад в развитие востоковедения. Действительно, этот исторический труд содержит ценный справочный материал для освещения социально-экономической, политической и культурной жизни народов Средней Азии. Н. И.

Веселовский резонно полагал, что потраченные усилия послужат во благо успеха востоковедения.

Не менее важным произведением, имеющим большое историческое значение, Н. И. Веселовский называет “Абдулла-наме”. Следует признать, что «источники для истории этого периода доступны почти исключительно в рукописях и, как вообще история страны последних веков, весьма мало изучены» (*Умняков* 1930: 307). Историей династии Шейбанидов, господствовавшей в Туркестане в течение XVI в., стали серьезно заниматься лишь со второй половины XIX в. До 1821 г. не было известно ни одного труда, в котором излагалась бы история Средней Азии этого периода. Единственным источником для истории Бухары для европейцев была вывезенная из Бухары в 1821 г. рукопись Мухаммеда Юсуфа Мунши на персидском языке под названием «Тезкере-и Муким-хани», в которой изложена история Бухары со времени ее завоевания Шейбани-ханом до начала XVIII в. В 1854 г. В. В. Вельяминов-Зернов приобрел полную рукопись «Абдулла-наме» Хафиза Таныша, которую планировал опубликовать сначала в персидском, а затем и в русском варианте (*Веселовский* 1904: 5). Этот источник уже давно разыскивался учеными, и данная находка являлась очень ценной. Список экземпляров рукописей “Абдулла-наме”, о котором упоминается в исторической литературе, продолжал пополняться и в XX в. (*Умняков* 1930: 320-322).

Н. И. Веселовский трактовал имеющийся перевод больше как литературный, чем исторический, замечая при этом, что именно это осложняет доступность и усвояемость содержания источника. Его изучением, переводом, изданием занимались также такие знатоки восточных языков, как Н. В. Ханьков, О. И. Сенковский, Л. А. Зимин, П. И. Лерх и др. Они придерживались заложенной еще великим русским историком начала XIX в. Николаем Михайловичем Карамзиным традиции отношения к историческим источникам как к самостоятельным объектам исследования. Это проявлялось в стремлении ученых разработать принципы критического подхода в изучении исторических известий и публикации документов. Придерживаясь традиции критического анализа источников В.В. Вельяминова-Зернова, Л.А. Зимин предпринял вторичную попытку опубликования “Абдулла-наме”, для критического издания текста которого пришлось ознакомиться по возможности со всеми доступными для него рукописями этого труда, сличить их с другими историческими трудами и выявить их взаимную зависимость (*Умняков* 1930: 316-317).

Н. И. Веселовский не ограничивался лишь указанными задачами в области изучения важ-

ных и ценных письменных источников по истории Центральной Азии. Он считал, что таких задач довольно много, но все они с успехом могут быть решены местными силами и совместная работа с туркестанскими собирателями древностей при наличии у них “великого преимущества”, какими являются знание местного быта, коренных жителей, местной топографии.

Немаловажно, что знание языковых особенностей лингвистического характера коренными жителями при правильном подходе в этом деле позволит избежать промахов и ошибок, которые могли бы допустить академические ученые-востоковеды. Не умаляя роль местных ученых, Николай Иванович был уверен, что “все это будут работы капитальные, не стареющие с успехами востоковедения, и пользование ими продлится долгое и долгое время. Это будут крупные основы для нашего знания, и вокруг них станут стройно развиваться и другие, второстепенные, более легкие, но зато более многочисленные” (Веселовский 1892: 346).

В своей рецензии Н. И. Веселовский дал вполне взвешенную оценку переводу сочинения Лангле, его достоинств и недостатков, придерживаясь главного принципа рецензирования – справедливости, беспристрастности и объективности, когда первоисточник оценивается независимо от личных взглядов и пристрастий критика с позиции научной, практической или художественной значимости объекта анализа. Эта его небольшая по объему работа служит ярким примером критического анализа текста компетентным профессионалом, который высказал свое мнение достаточно аргументированно.

Русский перевод книги Луи-Матъё Лангле о Тимуре послужил лишь поводом для привлечения ещё большего внимания к изучению истории Центральной Азии и определению ряда насущных задач российского востоковедения, которые по мнению Н.И. Веселовского, в “высшей степени благодарные” и тот, “кто выступит на этот путь, заслужит особенную благодарность потомства” (Веселовский 1892: 346).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бабер-намэ* 1857 — *Бабер-намэ*, или Записки султана Бабера. Изданы в подлинном тексте Н. Ильминским. Казань, 1857.
- Бартольд* 1976 — *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. IX. М.: Наука, 1976.
- Благова* 1966 — *Благова Г. К.* истории изучения Бабур-наме в России // Тюркологический сборник (К 60-летию А.Н. Кононова). М.: Наука, 1966. С.170-171.
- Веселовский* 1892 — *Веселовский Н. И.* Рец. на «Жизнь Тимура» Лангле в переводе Н. Суворова // ЗВОИ-РАО. Том VI. СПб., 1892. С.343-349.
- Веселовский* 1901 — *Веселовский Н.И.* Пособие к лекциям по истории Востока. СПб., 1901.
- Веселовский* 1904 — *Веселовский Н. И.* Некролог В.В. Вельяминова-Зернова // Журнал Министерства народного просвещения. 1904. Отд. 4. С.5.
- Григорьев* 1863 — *Григорьев В. В.* Рецензия на книгу В.В. Вельяминова-Зернова «Исследование о Касимовских царях и царевичах». СПб., 1863. 4.1. // День. СПб., 1863. № 29.
- Известия* 1887 — Известия о занятиях VII археологического съезда в Ярославле 6-20 августа 1887 года. Реферат доклада Н. И. Веселовского «О надгробном памятнике Тимура (Тамерлана) в г. Самарканде». Ярославль, 1887. №10. С. 5-6.

- Лангле* 1890 — *Лангле Л.* Жизнь Тимура. Ташкент: Типография Бр. Порцевых, 1890.
- Лунин* 1979 — *Лунин Б. В.* Средняя Азия в научном наследии отечественного востоковедения. Историко-графический очерк. Ташкент: Фан, 1979.
- Пекарский* 1966 — *Пекарский П.* История Империи Академии наук. Т. I. СПб., 1870. С.313-314.
- Пучков* 2009 — *Пучков А.А.* Ориентальные ориентации крымской историографии (к новой книге А.А. Непомнящего) // Праці Центру пам'яткознавства. Зб. наук. пр., 2009. Вып. 16. С.282-283.
- Русина* 2015 — *Русина Ю. А.* Методология источниковедения [учеб. пособие] Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2015.
- Тизенгаузен* 1941 — *Тизенгаузен В.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. М. – Л.: 1941.
- Умняков* 1930 — *Умняков И.* Абдулла-намэ Хафизитаныша и его исследователи. // Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР. Т. V. Л.: 1930.
- Фармаковский* 1916 — *Фармаковский Б. Н. И.* Веселовский – археолог // ЗВОРАО. Т. XXV. СПб., 1916. С.361.
- Шараф ад-дин Али Язди* 2008 — *Шараф ад-дин Али Язди.* Зафар-наме. Книга побед Амира Тимура. Пер. со староузбекского А. Ахмедова. Ташкент: SANAT, 2008.